

А. М. Малашко, профессор

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА АКТИВИСТОВ ПАРТИЙНО-СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ ОТ АНТИОБЩЕСТВЕННЫХ ЭЛЕМЕНТОВ (1921–1925 ГГ.)

The article analyzes legal protection of non-staff correspondents of the press in the BSSR in 1921–1925.

Важнейшую роль в демократизации советской государственности, в выявлении и использовании инициативы и активности масс на пути к обществу социальной справедливости партия и В. И. Ленин отводили периодической печати. Это особенно ощущалось при переходе от гражданской войны на мирную работу, когда представилась возможность более планомерно, системно, с использованием достижений науки и критического переосмысления полученного опыта строить многонациональную советскую державу, определять функции всех ее составляющих компонентов.

Во-первых, через печать трудящиеся знакомились с советским законодательством, внутренней и внешней политикой государства, вовлекались в очередные хозяйственные и политические кампании. Во-вторых, печать обобщала опыт, как налаживать жизнь по-новому, без эксплуатации и угнетения, национальной дискриминации и грызни, средневекового мракобесия и обскурантизма, как выводить людей к свету и знанию. В-третьих, партийно-советская печать брала на себя функции публичной критики государственного управления, недостатков в нем, разоблачения бюрократических извращений и перегибов, некомпетентности и безалаберности, головотяпства и т. п., не ставя при этом вопрос об отстранении партии от власти, о передаче управления политическим оппонентам – меньшевикам, эсерам, Бунду, кадетствующей интеллигенции. Во многих директивных документах периода 1921–1925 гг. подчеркивается огромная значимость внештатного сотрудничества граждан в периодической печати, определены формы и методы выявления, ориентирования, воспитания рабочих, крестьянских и военных корреспондентов через редакции печатных, устных и стенных газет. На союзном, республиканском, окружном и районном уровнях проводились совещания и съезды рабкоров, в газетах открывались специальные рубрики для обмена опытом и инструктирования внештатного актива печатных органов.

Партийные и советские органы принимали меры, чтобы повысить действенность критических выступлений, помещаемых на страницах газет. Так, в феврале 1921 г. ЦИК Белоруссии принял постановление, обязывающее все учреждения по напечатании разоблачающих заметок в «Белорусской деревне» немедленно проводить на месте расследования и письменно сообщать в редакцию о принятых мерах [1].

20 августа 1924 г. ЦК КП(б)Б направил руководителям советских, хозяйственных и кооперативных органов письмо, в котором предлагалось поручить одному из сотрудников регулярный просмотр газет Белоруссии, чтобы ни одна разоблачительная заметка не осталась без расследования [2]. В постановлении Оргбюро ЦК РКП(б) от 1 декабря 1924 г. было указано: «...разоблачительную работу рабкоров в газете тесно увязывать с текущей работой К.К. РКП, РКИ и прокуратуры так, чтобы ни одна заметка не осталась без отклика» [3].

27 января 1925 г. Центральная Контрольная комиссия РКП(б) опубликовала письмо «О связи К.К. и РКИ с рабкоровскими и селькоровскими организациями». Было предложено в структурах рабкрина в центре и на местах выделять по одному ответственному работнику для поддержания постоянной связи с рабселькоровскими организациями, учитывать их опыт, анализировать оперативные расследования содержащихся в заметках сигналов [4]. Соответствующие указания были даны прокурорским структурам. При Народном комиссариате внутренних дел было создано особое «Бюро расследований по крестьянским письмам и заметкам селькоров». Все это сказывалось на действительности выступлений печати, повышало ответственность и самих корреспондентов. Так, Могилевской прокуратурой в 1925 г. были приняты меры по 180 селькоровским заметкам, окружной милицией – по 301, окружным лесничеством расследовано 50 заметок и столько же окружным финансовым отделом [5]. С января 1925 по февраль 1926 г. РКИ Белоруссии расследовало 233 заметки, опубликованных в печати, Минская милиция и уголовный розыск – 184. Только с августа 1925 по февраль 1926 г. в прокуратуру республики поступило 1855 заметок рабселькоров. Законность и культурность с трудом приживалась там, где прокатились волны войны, оккупаций, эвакуаций и реэвакуаций, где неоднократно менялась власть, где годами орудовали «отряды зеленых», вооруженных дезертиров, где применялись чрезвычайные меры по подавлению антисоветских выступлений, изъятию продналога и пр. Поэтому неудивительно, что рабселькоровская деятельность в таких местах сталкивалась с отчаянным сопротивлением кулаков, нэпманов и проникавших в госаппарат, партию и комсомол чуждых, карьеристских элементов, своеобразных местных «авторитетов» и «держиморд».

В Белоруссии сопротивление антиобщественных элементов приобретало острые формы, выливаясь в преследования, избиения и убийства селькоров. Так, одним из первых от кулацкой руки 23 октября 1924 г. погиб селькор Лебедев в деревне Даниловичи Гомельского района. Лебедев был членом сельсовета и секретарем сельской комсомольской ячейки. В деревне Крутое Горадокского района был убит селькор Захар Похомов. На станции Колодищи Минского округа был лишен жизни селькор-комсомолец Борщевский. В деревне Пережир Смиловичского района был тяжело ранен селькор «Звезды» Качковский. В ночь с 28 на 29 сентября 1924 г. шайка самогонщиков ножом в спину оборвала жизнь селькора-комсомольца в деревне Колодищи Антона Березовского. В селе Заболотье Глуцкого района был убит селькор Серик, в Полоцком округе кулаки и самогонщики избили до полусмерти корреспондента «Витебских известий» Ратнера и селькора «Полоцкого пахаря» Василевского. Выстрелом был ранен 11 июля 1925 г. секретарь Добринской ячейки ЛКСМБ Оршанского округа селькор «Звезды» Рыжиков.

Избиения и убийства селькоровского актива имели место не только в Белоруссии, но и в других областях и губерниях Союза. С весны 1924 до конца 1925 г. подверглись преследованию 140 селькоров. Решительный протест всего советского народа вызвало убийство в деревне Дымовка Николаевского округа Одесской области селькора Г. Малиновского. Организаторы убийства были приговорены к расстрелу.

В январе 1925 г. на совместном заседании Пленумов ЦК и ЦКК РКП(б) было принято специальное постановление «О событиях в Дымовке». В декабре 1924 г. на места было разослано письмо ЦК РКП(б) «О рабочих и сельских корреспондентах», в котором признавалась желательность организаций показательных процессов над преследователями рабкоров и селькоров. Местные советы получили специальное указание М. И. Калинина брать под защиту селькоров. В январе 1925 г. Наркомюст объявил о том, что он взял на себя непосредственное наблюдение за тем, как местные органы осуществляют защиту интересов печати, как ведут борьбу с преступлениями, направленными против рабочих и крестьянских корреспондентов. «Крестьянская газета» добилась постановления Верховного суда РСФСР, запрещающего разглашение имен селькоров при расследовании дел по их заметкам. Все наркоматы в развитие этого постановления дали циркуляры от своего имени. С 12 по 20 февраля 1925 г. в Минске в Высшем суде республики разбиралось дело о преследовании местными властями и кулаками селькора Г. Лапицкого из Бобруйского округа. ЦК КП(б)Б приурочил к процессу Всебелорусский съезд селькоров, чтобы делегаты могли присутство-

вать на процессе. Ход дела широко освещался в республиканской и союзной печати. На нем были корреспонденты от «Правды», «Известий», «Крестьянской газеты» и других изданий. Преследователи были приговорены к длительным срокам тюремного заключения. Политические выводы из процесса сделал Президиум ЦКК РКП(б) в мае 1925 г. В 1925 г. Верховным судом БССР были проведены еще ряд показательных процессов. Среди них процесс Ф. Ракушева в Круглянском районе, Милошевского в Плесеницах, селькора Мостовского и братьев-комсомольцев Лис в Мозырском округе. По распоряжению белорусской прокуратуры все дела об убийствах и преследованиях селькоров и рабкоров рассматривались вне очереди. Вместе с тем Нарком внутренних дел республики издал циркуляр, запрещающий органам местной власти и прокуратуры излишнее, не вызванное необходимостью, дерганье и допросы корреспондентов по материалам их заметок. Было запрещено должностным лицам без санкции следственных органов изымать из почтовых ящиков селькоровские письма в редакции газет.

Организуя решительную борьбу с кулацкой агентурой и бюрократившимися чиновниками госорганов, нарушающими социалистическую законность, ЦК КП(б)Б вместе с тем широко разъяснял партийным организациям значение рабселькоровского движения, вел борьбу за искоренение ревкомовских методов в работе местных советов. В Бобруйском округе, где расследовалось дело Лапицкого, ЦК КП(б)Б постановил созвать внеочередную окружную партконференцию со специальным докладом: «Дело Лапицкого и других селькоров – вывод для партии». ЦК КП(б)Б выпустил листовку и специальную брошюру о деле Лапицкого. ЦК КП(б)Б указывал, что селькор помогает строительству новой деревни, усиливает через печать связь партии и Советской власти с широкими массами крестьянства. Для кулаков, уголовных элементов в деревне, для негодных представителей власти селькор более опасный и серьезный враг, чем всякий другой деревенский передовик.

Обеспеченное правовой и идеологической защитой рабселькорское движение в республике росло и ширилось. Если в 1925 г. в БССР насчитывалось 9000 рабселькоров, то в 1931 г., когда собрался II Всебелорусский съезд корреспондентов, число внештатных корреспондентов достигло 40 000.

Литература

1. Партархив ЦК КПБ. Ф. 4. Оп. 7. Ед. 2. Л. 59.
2. О партийной и советской печати: Сб. документов. – М., 1954. – С. 321.
3. Там же. – С. 328–329.
4. Магілёўскі сялянін. – 1925, 11 кастрычніка.
5. Звезда. – 1926, 5 мая.